

что же касается Платонова, то это странный типъ, пропихнутый Weltschmerz'омъ и омерзениемъ къ человѣческому паденію, который все же тяготеетъ къ «цвѣщимъ симъ», сознавая, что его роль тутъ и ничтожна и безцѣльна.

А сколько пакостныхъ типовъ.

Мнѣ отвѣтить:—«это сущая правда».

Ну, пусть это правда. Къ чему же этотъ протоколизмъ. Что этимъ хочетъ достичь Купринъ?

О томъ должна была рассказать вторая часть, которую онъ упорно не печаталъ.

О этой второй части рассказывали по городу, что она продана издательству «Прогрессъ». Документы даже показывали. Другіе утверждали, что конецъ повѣсти проданъ московскому издательству «Земля».

Носились очень некрасивые слухи о продажѣ второй части.

Но о А. Купринѣ не принято писать дурно. Если желтая печать начнетъ травить кого-нибудь, то не знаешь ни мѣры, ни границы, за то уже разъ примется хвалить и захваливать, то, что бы не написалъ или не сдѣлалъ такой авторъ, все и великолѣпно и безподобно.

Будь это дѣтскій лепетъ, въ смыслѣ чистаго разума и логики, будь это пьяныя бредни впавшаго въ вырожденіе субъекта—безразлично.

Разъ желтая печать уже начала хвалить, она работѣнно молчить, если уже неудобно или неприлично хвалить.

C'est ainsi c'qu'on fait l'histoire.

Итакъ А. Купринъ обѣщаетъ выпустить вторую часть своей повѣсти «Яма» въ январѣ 1913 г. Въ добрый часъ если это правда.

А. Купринъ въ первой части затронулъ рядъ неразрѣшенныхъ проблемъ.

Ихъ разрѣшить—задача моей книги.

Печать не разбираетъ, *какъ* я окончилъ новѣсть или романъ, а ограничивается осужденіемъ, *что* я рѣшивъ остаться при особомъ мнѣніи и закончить произведеніе, не спрашивая на сей предметъ особаго разрѣшенія автора.

Въ тотъ моментъ, когда появилось письмо г. Куприна у меня не было написано ни одной главы, но вызывающій некорректный тонъ его письма толкнулъ меня написать окончаніе *quant même*.

Итакъ, я начинаю, скажу словами пролога Леонавалло.

„ФИНАЛЪ“

ГЛАВА I.

Въ заведеніи Анны Марковны произошелъ переполохъ. Настало утро, полдень, собрались уже къ обѣду. Люба не возвращалась. Симеонъ первый почувалъ что-то неладное.

— Любка-то пропала,—сказалъ онъ, обращаясь къ экономкѣ, Эммѣ Эдуардовнѣ.

Она сдѣлала глупое лицо, съ удивленіемъ посмотрѣла на Симеона, что-то сообразила и бросилась въ комнаты дѣвицъ.

— Любка, дрянъ паршивая, портретъ забрала и одеколонъ,—значить совсѣмъ ушла,—сказала Эмма Эдуардовна, обращаясь къ Зосѣ.

Въ корридорѣ оживленіе. Неодѣтыя, въ туфелькахъ на босую ногу, дѣвицы заведенія высыпали въ корридоръ.

— Чаво! Вотъ такъ фунтъ! Новое дѣло! Молодецъ Любка! Ишь шельма, молчала, а что задумала!

Голоса смѣшались въ хаосъ. Трудно было разобрать въ настоящемъ мѣнѣнн дѣвицъ.

— Чего галдите? Нашелся добрый человекъ, взялъ изъ заведенія, и слава Богу,—огрызнулась Женя.

Она сегодня утромъ рано выпроводила Собашникова. Съ тревогою на лицѣ, онъ справлялся о томъ: не замѣтили-ли товарищи исчезновенія его въ корридоръ спаленъ.

— Эхъ, сосуля паточная, леденецъ моченый, — высмѣяла его Женя.—Неужели нѣтъ? Платоновъ не дуракъ, даромъ, что ты на него лаялся,—конечно, смекнулъ.

— Онъ сказалъ?

— Ничего онъ не говорилъ, а по глазамъ его видно было, что понялъ. Вѣдь, ты послѣдній проснулся, а вѣдь кромѣ одного, двухъ изъ вашей компаніи всѣ тутъ ночевали.

— Какъ, и профессоръ?

— Нѣтъ, тотъ отъ насъ вышелъ. Я сама въ окно видѣла, какъ позвонилъ въ Треппелю.

— А здорово я отчехвостилъ вашего старосту?

— Кого? Платонова? Ты потише, это не тебѣ чета: ни гордости въ немъ, ни фанаберіи, душа человекъ. Всѣ уважаемъ.

— И за что такое почтеніе. Староста одно слово.

— Эхъ, ты! Затвердилъ: староста, да староста, а умѣе ничего не выдумаешь. Не староста онъ, а хорошій человекъ, и не вамъ всѣмъ чета,—огрызнулась Женя.

Собашниковъ лѣниво одѣвался и со злобою глядѣлъ на Женю.

— Что съ тобой спорить! Ты похлопочи полотенце, да нѣтъ-ли куска новаго мыла? Тутъ чортъ знаетъ сколько народа и что мыли твоимъ обмылкомъ. Я, знаешь, брезгливъ въ такихъ заведеніяхъ, — съ гримасой добавилъ Собашниковъ.

— Не грязнѣе тебя. Мундиришка чистый, бѣлоподкладошникъ, а отъ ногъ воняетъ, ажъ нутро воротить.

— Язва окаянная, а не дѣвка!

— Станешь съ вами язвой. Небось, не расшедрился, а фанабели во сколько!

— Ну, ты не разговаривай, а те, знаешь, у меня судъ короткий.

— Никто тебя не боится. Небось, живо изъ кабинета вышелъ, когда тебѣ пообѣщали по мордѣ дать.

— Полотенце, говорю тебѣ, — закричалъ внѣ себя Собашниковъ. — Есть мнѣ время съ тобой разсосуливать, окаянная!

Женя открыла комодъ, вынула чистое полотенце и чистый кусокъ мыла.

— Ты знай, что новое мыло-то 30 копеекъ стоитъ. Даромъ — за амбаромъ.

— Небось, отдамъ. Въ долгу не бывалъ, а деньги швырять на всякую сволочь — не согласенъ.

Женя съ презрѣніемъ взглянула на него.

— Кто еще сволочь, мы либо ты?

— Ты проваливай, поѣзда цѣла!..

— Видали такихъ, не пужай, не къ ночи. А ты бы скорѣе одѣлся, да убрался, воздухъ чище будетъ.

Собашниковъ буркнулъ что-то подъ носъ и принался умываться. Женя вышла изъ комнаты.

— Ты что тамъ ругалась? — спросила ее толстая Катька.

— Да прощальга, одно слово, бѣлоподеладочникъ!

— А сколько тебѣ онъ далъ?

— Далъ что надо хозяйнѣ, а мнѣ владеть полтинникъ на комодъ. Я ему этотъ полтинникъ въ руку суну и говорю: «Ты побереги полтинникъ на баяю, ноги больно воняють, а еще лакированные ботинки носишь».

— Здорово! А онъ что? Ха-ха-ха! — заливалась смѣхомъ Катька.

— И не обидѣлся. Хоть бы что! Взялъ. Въ карманъ сунулъ,—продолжала Женя.

— Рвань теперь стала, — вмѣшалась въ разговоръ подошедшая Генріэта.—Мой актеръ не такой малякъ.

— Да что говорить: эти студенты только и знаютъ, что напѣваютъ.

Съ студентовъ стыдно деньги брать,
Студентамъ надо...

— Даромъ—за амбаромъ, а мы не батрачки, не дуры какія,—поддакнула Катя.

Собашниковъ одѣлся и, ни слова не говоря, передъ уходомъ бросилъ вошедшей въ комнату Женѣ на столъ серебряный рубль.

Анна Марковна не мало огорчилась уходу Любы. Осмотрѣли ся комнату. Оказалось, что она забрала не только портретъ и флаконъ одеколона; она не забыла захватить съ собою выданныя ей пять батистовыхъ сорочекъ и только-что купленную, шелковую нижнюю юбку.

Эмилія Эдуардовна, какъ звѣрь, заходила по комнатамъ, но боялась съ кѣмъ бы то ни было вступать въ пререканія.

Къ обѣду подали разсолъникъ и телятину. Всѣ мало ѣли, очень ужъ онѣ были заняты исчезновеніемъ Любы.

— Да какъ это случилось?

— Очень просто. Онъ мнѣ предлагалъ, а я ему и указала на Любу,—отвѣчала Женя на всѣ вопросы.

— Чудакъ онъ,—посмѣиваясь, рѣшила Катя.

— Почему—чудакъ?—заспорила Нюра.—Человѣкъ захотѣлъ душу спасти изъ окаяннаго пекла, ну, и пригласилъ.

— Вернется,—насмѣшливо встала Катя.

— Я бы сама съ удовольствіемъ ушла, если бы нашелся такой человѣкъ,—сказала Генріэта.

— Ну, ты помалкивай, ты старая шлюха. Трамбовала, трамбовала панель въ Питерѣ, въ Калининской, небось, тамъ побывала. Давно-ли тебѣ «606» вспрыскивали, а теперь вдругъ въ «семейныя» захотѣла попасть. Туда же!—огрызнулась Женья.

— Языкъ твой проклятый! Самой тебѣ «606» надо. Горло першитъ, недавно чиріи лѣчила, смотри, какъ бы тебѣ бланку не отобрали.

Тутъ ужъ началась громкая перебранка.

Въ дверяхъ показалась Эмма Эдуардовна.

— Что вы раскричались, точно въ кабакѣ? Чего не подѣлили?

— Женька меня ворить, что въ Калининской была,—обидчиво жаловалась Генріэта.—Я ей морду расквашу, чтобы она не врала.

— Ахъ, Женья, Женья! Что у тебя за языкъ? Ну, была, такъ и слава Богу! Вылѣчили и отпустили. Со всеѣми вами можетъ случиться. Въ душу не влѣзешь, не знаешь здоровый-ли, либо больной...

Перебранка долго еще продолжалась.

Къ вечеру все стихло. Опять явился Ванька-Встанька.

Офицеры мѣстнаго гарнизона цѣлой толпой пріѣхали вмѣстѣ съ уходившимъ въ другой полкъ товарищемъ. Поговорили-поговорили о Любѣ, и бросили.

На слѣдующій день никто изъ дѣвицъ о ней не вспоминалъ. Къ вечеру привели какую-то молоденькую дѣвчонку. Модисткой служила въ Москвѣ. Взяли на содержание, — бросили. Спилась. Попала на глаза сводни Иды Карловны. Та призрѣла и въ Кіевъ отправила. Теперь въ «Яму» пристроили.

— Ты, Нюра, сведи ее въ баню, я бѣлье приготовила. Надо ее одѣть. Вишь, рваная, какая,—сказала экономка.

Маша, — таѣзъ звали вновь прибывшую,—была дѣйствительно, въ печальномъ состояніи.

Испитое лицо обнаруживало слѣды побоевъ. Голубые, невинные глазки подобострастно и боязливо глядѣли на окружающихъ.

Г Л А В А II.

Лихонинъ проснулся и, къ немалому изумленію, увидѣлъ около себя въ кровати, безмятежно предавшуюся объятіямъ Морфея, Любу.

Она еще спала.

Было уже около девяти часовъ утра, но она не подавала и признаковъ пробужденія.

Лихонинъ бережно отодвинулся отъ нея и, слегка приподнявъ край одѣяла, спустилъ ноги.

Сидя въ такой позѣ, онъ перебиралъ въ своихъ мозгахъ всѣ событія вчерашняго дня. Лихонинъ вспомнилъ, какъ красиво, какъ возвышенно развивалъ свои теоріи бытія Платоновъ.

— О, да, ты правъ, — подумалъ онъ, — социальный рай, или, вѣрнѣе, міръ утопистовъ, еще не скоро, быть можетъ, никогда, — не воцарится на землѣ.

Но эта перспектива, повидимому, не угнетала Лихонина. Въ его душѣ, объятый порывомъ къ добру, къ самосовершенствованію, теперь царилъ еще до сихъ поръ имъ не испытанный подъемъ. Онъ чувствовалъ, перебирая въ своей памяти рядъ самыхъ разнородныхъ событій прошлаго, что сей порывъ, въ теченіе всей пройденной имъ жизни, самый красивый жестъ его души. Онъ чувствовалъ, какъ именинникъ, получившій давно-жданый цѣнный подарокъ. И сознаніе, что этотъ подарокъ онъ сдѣлалъ себѣ самъ, еще возвышало степень его радости, можно сказать, праздничнаго настроенія.

На цыпочкахъ, онъ прошелъ къ дивану, стоявшему